

Архиепископ Никон

Мои дневники

Выпуск 1. 1910

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А87

А87 **Архиепископ Никон**
Мои дневники: Выпуск 1. 1910 / Архиепископ Никон – М.: Книга по Требованию, 2015. – 176 с.

ISBN 978-5-458-12236-8

Дневники Архиепископа Никона (в миру — Николай Иванович Рождественский) — епископа Православной Российской Церкви, с апреля 1906 года Вологодский и Тотемский (впоследствии на покое); богослова, публициста; политического и государственного деятеля Российской империи.

ISBN 978-5-458-12236-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

татарская мечеть. Наши предки благочестивые отплюнулись бы, сказали бы, что обманщикъ Аравійскихъ пустынь, лжепророкъ Магометъ не посмѣетъ свить себѣ гнѣзда между историческими святынями русскаго города, между Петропавловскимъ соборомъ, гдѣ покоятся великіе носители русскихъ идеаловъ—православные Государи наши—съ одной стороны, и древнѣйшимъ храмомъ столицы, Троицкимъ соборомъ—съ другой. Вѣдь, тутъ же, не далеко и величайшая святыня Петербурга—чудотворный нерукотворенный образъ Спасителя. Зачѣмъ, зачѣмъ понадобилось именно *тутъ*, въ виду этихъ святынь, строить мечеть „поганскую“, какъ сказали бы наши предки?.. Не съ тою ли цѣлю, чтобы эта постройка, о которой газеты пишутъ, что она своею красотою превзойдетъ всѣ мечети европейскихъ столицъ, чтобы эта мечеть, горделиво поднимаясь надъ нашими родными святынями, какъ бы смѣялась надъ ними? чтобы ея сторожъ—„муэдзинъ“ выкрикивалъ съ своей вышки надъ русскою столицей: „одинъ Аллахъ и Магометъ—пророкъ Его!..“ Не затѣмъ ли, чтобы татары, коихъ мечети были разрушены когда-то нашимъ славнымъ Царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Казани, смѣялись теперь надъ православными: „вотъ-де вамъ доказательство, что наша вѣра правая: чрезъ 350 лѣтъ наша луна стала выше вашего креста!..“ И это, вѣдь, пойдетъ изъ рода въ родъ на вѣки, и если суждено Русской землѣ остаться православною, если благословить Богъ русскимъ людямъ отрезвиться отъ современнаго опьяненія лживымъ либерализмомъ, то вѣчная укоризна ляжетъ на тѣхъ, кто не сумѣлъ, не захотѣлъ отстоять наши святыни отъ такого оскорбленія!..

Но постой, подожди, русскій православный человѣкъ! Этого мало: сатана готовить тебѣ еще горшій гостинецъ, еще болѣе оскорбительное издѣвательство надъ твоею вѣрою... на окраинѣ, правда, но все же въ предѣлахъ того же Петрограда, говорятъ, скоро будетъ строиться и языческое капище... Привезутъ идола изъ Китая, посадятъ его въ этомъ капищѣ на высокомъ престолѣ, будутъ кадить предъ нимъ, возжигать куренія... Найдутся, безъ сомнѣнія, среди нашихъ безумныхъ, отречшихся отъ Бога интеллигентовъ и особенно интеллигентокъ, разныхъ стриженныхъ дѣвокъ и потерявшихъ стыдъ барынь такіе, которыя пойдутъ въ это капище, чтобы принести куренія новомоднымъ божкамъ изъ Китая, чтобы показать на дѣлѣ свою „свободу отъ сѣвѣрій хрістіанскихъ“, чтобы принести жертвы сатанѣ... О Русь! до чего ты дожила?!!

Еще немного,—и кто же поручится, что во имя той же „свободы“ отъ всякой совѣсти и здраваго смысла создадутъ храмъ и самому сатанѣ съ его аггелами, и станутъ приносить ему жертвы—кто знаетъ?—можетъ быть и кровавые... Въ наше время все можетъ случиться! Мы приближаемся, очевидно, къ тѣмъ временамъ, о коихъ говоритъ св. Апостолъ Хрістовъ Павелъ: „Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей (1 Тим. 4, 1. 2). Наступятъ времена тяжкіе... здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 3,

1. 4, 3. 4). А что послѣдуетъ за сими тяжкими временами — лучше сами прочтите во второмъ посланіи Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ (гл. 2). Да, мы видимо приближаемся къ этимъ „тяжкимъ временамъ“. Люди, мнящіе себя быть руководителями народа, величающіеся „передовыми“, въ большинствѣ своемъ, оторвались отъ вѣры и благочестія предковъ своихъ, отъ вѣры народной, въ душѣ своей уже стали невѣрами, а поелику это — ложь, будто можно быть совершеннымъ атеистомъ, то мѣсто вѣры въ ихъ сердцахъ заняло суевѣріе, а это уже и есть, по самой своей сущности, язычество; и вотъ эти люди теперь стараются подчинить своему авторитету народныя толпы, пока не возставая открыто и формально противъ хрістіанства, а всячески унижалъ его въ глазахъ народа приравненіемъ къ лживымъ вѣрамъ, къ ересямъ, къ магометанству и язычеству... подъ видомъ „уваженія“ къ чужой вѣрѣ. Но позвольте, господа, — хочется сказать имъ: да свою-то, православную вѣру, вы уважаете? Считаете ее истинною? Или для васъ она есть одна изъ формъ религіозныхъ вѣрованій, которыя всѣ для васъ равно — заблужденія? Вѣдь, если бы уважали, то не допустили бы такого издѣвательства надъ нею, какое теперь всюду проявляется! Издѣваются надъ вѣрою нашею и въ печати, и въ га-

зетахъ, и въ брошюрахъ, и въ книгахъ, и въ театрѣ, въ искусствѣ и даже политикѣ... А тѣмъ, кто могъ бы однимъ почеркомъ пера прекратить все это зло, будто и дѣлать... И вотъ, дерзость ненавидящихъ крестъ Господень дошла до того, что въ столицѣ православнаго государства, въ странѣ, именуемой, себя „святою Русью“, въ залѣ, украшенной портретами Русскихъ Царей, въ залѣ петербургскаго дворянскаго собранія, сборище заклятыхъ враговъ хрістіанства — конечно, іудеевъ — распѣвало богохульную, кощунственную шансонетку въ которой повторяются всѣ злобныя слова поруганія надъ нашимъ Господомъ, записанныя св. Евангелистами... „Сойди со креста, Распятый, если Ты Сынъ Божій!“ Господи, да развѣ это можно терпѣть? Развѣ можно безъ горькаго негодованія читать въ газетахъ? А газеты эти, издаваемые, большею частію, тѣми же іудеями, восторженно описываютъ этотъ жидовскій концертъ... А петербургскому дворянству не совѣстно подъ такой концертъ отдавать свой залъ!.. А русскіе люди спокойно допускаютъ все это!..

Нѣтъ! Наше сердце сжимается жгучею болью за бѣдную, несчастную Россію, и изъ этого сердца вырывается горькое слово жалобы Богу: доколѣ, Господи, отвращаеши лице Твое отъ насъ?...

3.

Спѣши дѣлать добро, каждый человѣкъ!

„Спѣши дѣлать добро, каждый человѣкъ!“ Такъ въ простотѣ сердца повторяла одна почтенная старика — мать, сама спѣша первая ис-

полнять свое правило и своимъ примѣромъ поучая своихъ дѣтей.

Незабвенный святитель — затворникъ Теофанъ говоритъ: „если при

дети къ тебѣ добрая мысль, спѣши ее исполнить: вѣдай, что это Ангелъ хранитель твой говоритъ тебѣ въ совѣсти твоей, и Богъ готовъ помочь тебѣ въ этомъ“.

Да „спѣшить“ надо. Жизнь слишкомъ коротка. Обидно за человѣческое достоинство, грѣшно передъ Богомъ расходовать такое сокровище, какъ время, жизнь, на пустяки. Вѣдь временемъ покупается вѣчность. Временемъ покупается блаженство. Люди цѣнятъ деньги; иные самое время приравниваютъ къ деньгамъ: время—деньги, говорятъ они. Но за деньги времени не купишь. Не пожалѣлъ бы миллиардеръ отдать всѣ свои миллиарды за одинъ часъ времени, но никто ему не можетъ въ этомъ помочь, никто не приложить къ его жизни ни одной минуты ни за какія сокровища на землѣ. Такъ дорога человѣку жизнь. И такъ мало онъ цѣнитъ ее.

Странное существо — человѣкъ! Что имѣетъ — не хранитъ, а потерявши—плачетъ. Откуда эта странность?

Прочтите повнимательнѣе въ посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ 7-ю главу и вы поймете эту роковую тайну грѣшной человѣческой природы. „Не понимаю, что дѣлаю, жалуется Апостолъ: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, а чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Бѣдный я человѣкъ! Кто меня избавитъ отъ тѣла смерти?...“ (ст. 15, 18, 24). Вотъ причина, почему человѣкъ все свое время отдаетъ на служеніе плоти и забываетъ о духѣ, о будущей вѣчности. Онъ въ плѣну грѣха. Отъ сего плѣна избавляетъ только Христосъ Сынъ Божій. Духъ человѣка, какъ плѣнникъ изъ темницы, рвется на свободу — къ добру, а грѣхъ его держитъ въ цѣпяхъ.

И никто не въ силахъ разорвать эти цѣпи безъ помощи Спасителя міра. Слышите, что онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 34, 36). Не только богумудрый Апостолъ, даже лучшіе изъ языческихъ мудрецовъ смиренно сознавались, что если Самъ Богъ не сжалится надъ людьми и не придетъ спасти ихъ, то не видать имъ спасенія!

Христіанину слѣдуетъ носить постоянно эту истинну въ своемъ сердцѣ. Пусть эта тоска по духовной свободѣ неусыпно томитъ его сердце. Пусть онъ показываетъ ее Господу Іисусу Христу, жалуется Ему на свое безсиліе, плачетъ съ Магдалиною у подножія креста Христова...

„Уступи, Магдалино, отъ Христо-
ву ногу!

„Мнѣ даждь мѣсто: азъ имамъ о
грѣсѣ скорбь многу!“

А чтобы ближе восчувствовать сердцемъ Его благодатную помощь, пусть чаще приступаетъ къ животворящей Чашѣ пречистыхъ Его Тайнъ. Вотъ гдѣ источникъ жизни! Источникъ благодатныхъ силъ для добродѣланія! Сами по себѣ мы—ничто. И ничего добраго не можемъ дѣлать своими усиліями. Можемъ лишь тосковать о добрѣ, желать его. А когда соединимся со Христомъ, то воскреснемъ съ Апостоломъ: все могу о укрѣпляющемъ меня Господѣ Іисусѣ! Только тогда, когда мы познаемъ свое безсиліе, только тогда будетъ безопасна для насъ и сила Божія, благодатная помощь, дѣйствование Самого Господа нашего въ насъ и чрезъ насъ — въ добродѣланіи. Итакъ: кто хочетъ дѣлать

добро искренно, не лицемерно? кто стремится къ добродѣланію такъ, какъ стремился Апостолъ Павелъ? Сознай, какъ онъ признавалъ свое полное безсиліе и прибѣгни ко Господу съ сердечною жалобой на свое безсиліе, съ слезною мольбою о помощи. И Онъ придетъ. Онъ коснется твоего жесткаго сердца и растопитъ его въ слезахъ умиленія и покаянія; Онъ разорветъ узы, тебѣ связующія и подастъ силы на добродѣланіе. И ты восчувствуешь себя живымъ членомъ того таинственнаго тѣла, которое именуется Церковію, яже есть тѣло Христово. И тогда ты поймешь великую тайну жизни хрістіанина во Христѣ, въ живомъ общеніи со Христомъ поймешь слова великаго Апостола: *не ктому азъ живу, но живу въ мнѣ Христосъ!* Вотъ тогда легко будетъ и всякое добродѣланіе для тебя: въ глубокомъ смиреніи ты будешь благоговѣнно созерцать несказанные пути промысла Божія въ твоей жизни и дѣятельности, будешь ощущать: откуда приходитъ къ тебѣ добрая мысль, какъ дивно посылается тебѣ случай и силы къ ея исполненію. Какъ елень стремится къ источникамъ воднымъ, такъ и твоя душа будетъ жаждала добра, искать случая сдѣ-

лать его, припадать въ сердцѣ къ подножію креста Христа Спасителя твоего, очищая слезами покаянія всякій помыслъ грѣховный, всякое грѣховное пожеланіе, ибо сказано: *въ злохудоужну душу не внидетъ премудрость*, а слѣдовательно и благодать Божія.

Особенно благопотребно подумать, позаботиться объ этомъ православному сыну Церкви Христовой въ наше страшное время. Миръ во злѣ лежитъ, во злѣ погибаетъ. Безчужденныя стихіи какъ бы возмущаются преступностью рода человѣческаго и Божиимъ попусценіемъ казнять преступниковъ; а мы все это видимъ, но духовно спимъ: гдѣ наше покаяніе? Доколы будемъ испытывать Божіе долготерпѣніе?

Се стою при дверяхъ и толку, глаголетъ Господь. Надо спѣшить отверзти Ему двери нашего сердца. Надо спѣшить толкать и въ двери Его милосердія, ибо Онъ же сказалъ: *толцуйте и отвержется*. Иначе мы будемъ безотвѣтны предъ Его правосудіемъ, если пренебрежемъ Его милосердіе...

Спѣши же, братъ возлюбленный, къ своему Спасителю и спасая спасай свою душу въ исполненіи Его животворящихъ заповѣдей!...

4.

Суета суетъ на могилахъ почившихъ.

Живу я въ кельѣ надъ конторою лаврскихъ кладбищъ. Каждый день мимо моихъ оконъ проносятся и провозятъ на кладбище покойниковъ. Кавихъ, какихъ процессій тутъ не насмотришься! И пышныя погребальныя колесницы, подъ балдахинами,

нами, съ хоромъ пѣвчихъ, соборомъ священнослужителей, сопровождаемая странными на взглядъ русскаго человѣка, высокими людьми въ бѣлыхъ длинныхъ, узкихъ балахонахъ, съ бѣлыми же цилиндрами на головахъ; (несетъ фонарь съ го-

рящею свѣчею и — въ цилиндрѣ! какъ это рѣжетъ по сердцу православнаго человѣка!), и скромныя дроги простыхъ смертныхъ, и лафеты, на коихъ привозятъ сюда военачальниковъ, и простые гробы, несомые на рукахъ... То слышится погребальное: „Святый Боже“, то — прощальные залпы ружейныхъ выстрѣловъ при опусканіи гроба военачальника Несутъ, а иногда и везутъ множество вѣнковъ, идутъ толпы провожающихъ въ послѣдній путь. Опуская въ могилу, раздастся послѣднее надгробное — „Вѣчная память“, и скроются подъ землею останки человѣка — будь онъ знатный изъ знатныхъ, будь самый скромный странникъ земли — всѣмъ одинъ удѣлъ: *земля еси и въ землю отъидеши!*..

Настанетъ весна. Оттаютъ снѣга. На могилѣ появится памятникъ — иногда роскошный, въ нѣсколько тысячъ рублей, иногда — попроще... И видишь, какъ съ утра до вечера и идутъ и ѣдутъ къ роднымъ могилкамъ русскіе люди, и радуется сердце, когда подумаешь: что ихъ влечетъ сюда? Да что же какъ не любовь?..

Ахъ, если бы то была любовь христіанская, любовь на смиреніи и преданности сердца Богу воспитанная!

Но — увы! Когда присмотришься поближе, то увидишь нѣчто странное, чуждое духу христіанской любви. Зайдите въ контору, прислушайтесь, какъ тутъ бранятъ монаховъ за дорогія якобы расцѣпки на все.

Но, вѣдь, эти монахи ни въ чемъ не повинны: они исполняютъ лишь то, что имъ приказано. А приказано — Духовнымъ Соборомъ лавры, который, конечно, строго обсудилъ таксы и не руководился при этомъ слишкомъ корыстными цѣлями. За

что же бранить монаховъ, сидящихъ въ конторѣ?

— Сударыня! — пытается успокоить расходившуюся барыню инокъ, — сударыня, вѣдь, мы не можемъ ни копѣйки уступить противъ таксы...

— Да я не васъ и браню, а всѣхъ васъ, монаховъ! Всѣ вы — корыстолюбцы! — выпаливаетъ благочестивая молитвенница за своего усопшаго.

А сама покупаетъ вѣнокъ въ нѣсколько десятковъ рублей на могилу, вѣнокъ, который, конечно, ни покойнику, да и никому не нуженъ. А того, что получаемыя съ кладбища деньги идутъ на дѣла благотворенія, притомъ — не случайныя, а обязательныя для лавры — она не хочетъ и знать. Она готова требовать, чтобъ и за ея покойника молились, поминали его имя въ лаврѣ совершенно бесплатно, и особые обѣдни служили даромъ... Что ей за дѣло до того, что такихъ капризныхъ просительницъ — тысячи!

Но оставимъ ихъ въ покоѣ. Подумаемъ о другомъ, болѣе важномъ. Вѣдь, вотъ какъ люди заботятся, кажется, о покойникѣ, когда онъ уже на томъ свѣтѣ: а позаботились ли о немъ, пока онъ еще лежалъ больной? Пригласили ли къ нему священника для напутствія св. Тайнами? Приготовили ли его къ христіанскому переходу въ вѣчность? Напротивъ: не отстраняли ли, слѣдуя совѣту нынѣшнихъ неумныхъ врачей, всякую мысль о смерти отъ его сознанія?

Да и самъ покойный: давно ли онъ говѣлъ и причащался св. Тайнъ? Давно ли былъ въ храмѣ Божиѣмъ? Думалъ ли когда о вѣчности, вѣрилъ ли въ нее? О, какъ нынѣ много такихъ, о коихъ насъ, пастырей, просятъ молиться, заказываютъ намъ панихиды и обѣдни, а сіи по-

койники—и въ Бога-то не вѣрова-ли! Съ какою совѣстію мы будемъ молиться за человѣка, который смѣялся надъ нашею святою вѣрою, какъ надъ суетвѣріемъ? Но и этого мало: міръ сей, лукавый и прелюбодѣйный, по слову Спасителя, хочеть заставитьъ насъ, какъ бы издѣваясь надъ нами, надъ нашею вѣрою святою, молиться даже за явныхъ богохульниковъ и самоубійцъ! Какъ возмущаются эти невѣры, когда архіерей рѣшительно запретить священнику отпѣвать самоубійцу, слѣдуя въ семъ случаѣ указанію церковныхъ правилъ! Иной разъ думаешь: Господи! Да чего ради эти люди такъ хлопочутъ? Вѣдь, и покойникъ, и сами-то они никогда въ церковь не заглядывали и не заглядываютъ: на что же имъ эта панихида, это, въ сущности, какое то кощунство? А имъ это доставляетъ особое удовольствіе: заставить и поповъ „почтить“ покойника ихъ! Вѣдь, знаменитаго іудея-самоубійцу Пергамента хотѣли обманомъ похоронить въ Невской лаврѣ, а по казненномъ измѣнникѣ Шмитѣ заставили служить панихиду, да еще архіерея! Но да не воспомянутся дѣла минувшихъ сумасшедшихъ дней! Въ наши-то дни развѣ не творится нерѣдко то же самое? Развѣ не творять насиліе надъ служителями Церкви, требуя отъ нихъ молитвы за тѣхъ, за кого ихъ совѣсть, слѣдуя церковнымъ канонамъ, молиться не дозволяетъ? А эти „панихиды“ по неправославнымъ, даже вопреки волѣ самихъ покойниковъ, совершаемыя въ православныхъ церквахъ?... Мы молимся, часто противъ совѣсти, и за армянъ, и за лютеранъ, и за римско-католиковъ, и за всякихъ еретиковъ—молимся „официально“, иногда даже по распоряженію мірской власти... Не насиліе ли это надъ свободою нашей

православной совѣсти и — это въ наше-то время свободы совѣсти!! Пора бы рѣшить этотъ, жгучій для совѣсти православныхъ служителей Церкви, вопросъ такъ или иначе, но формально, окончательно: за кого изъ инославныхъ усопшихъ можно и за кого нельзя молиться? Но едва ли сей вопросъ можетъ быть рѣшенъ раньше Церковнаго Собора.

Но я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ тому, какъ и чѣмъ поминуютъ у насъ покойниковъ? Я не говорю о роскошныхъ, дорого стоящихъ поминальныхъ обѣдахъ: кто же разумный человѣкъ скажетъ, что они приносятъ пользу душѣ почившаго? Особенно когда они сопровождаются обильными угощеніями, въ видѣ разныхъ винъ и наливокъ... Суета суетствій и рабство модѣ, обычаю, полуязыческому преданію! Стыдно бы, кажется, просвѣщеннымъ-то людямъ такъ рабствовать! Да и намъ, пастырямъ Церкви, едва-ли не грѣшно поддерживать эти поминальные обѣды, особенно съ винами, своимъ присутствіемъ и благословеніемъ. Со зломъ надо бороться мужественно, а эти заупокойныя выпивки развѣ не зло, развѣ не оскорбленіе памяти почившихъ? Но не объ этомъ хотѣлось бы сказать. Вѣдь, вѣрующимъ въ Бога извѣстно, еще съ ветхозавѣтныхъ временъ, что милостыни и молитвы очищаютъ грѣхи. А много ли добра дѣлается тѣми, кто расходуетъ тысячи вотъ на эти роскошные балдахины, на всю эту помпу, кончая длинноногими фигурами въ бѣлыхъ балахонахъ и цилиндрахъ? Иной разъ—грѣшный человѣкъ—думаешь: сколько бы добра-то можно было сдѣлать, устранивъ всю эту роскошь и употребивъ истраченные на нее деньги — во славу Божию, на дѣла благотворенія всякаго рода? Вотъ тамъ, въ дале-

кой Камчаткѣ нуждаются въ храмахъ Божіихъ, а походный храмъ можно купить готовый въ Петербургѣ у Жевержеева всего за триста рублей: сколько бы радостей и слезной благодарности вызвало пожертвованіе туда хоть одного походнаго храма въ память почившаго! Какъ плачутъ наши бѣдные переселенцы въ Сибири, не имѣя храма Божія ближе ста—двухсотъ верстъ, какъ бы они возликовали, получивъ хотя бы вотъ такой походный храмъ для своего селенія! Сколько дѣтишекъ учится въ развалившихся школахъ церковныхъ, забнутъ бѣдные, вмѣстѣ съ своими учителями и учительницами: какъ бы они усердно помолились за невѣдомаго имъ покойника, если бы въ память его имъ хоть поправили, не говорю уже—построили школу! Въ нашихъ деревняхъ на сто верстъ одна больница, одинъ фельдшеръ: какое сердечное спасибо сказали бы обитатели этихъ деревень, если бы имъ на средства и въ память усопшаго хрістіанина прислали хоть временную медицинскую помощь! А сколько сиротокъ на свѣтѣ, безпризорныхъ, безпріютныхъ, сколько ихъ плачетъ по улицамъ городовъ и селеній, сколько вдовъ безпомощныхъ — сколько бы можно было сдѣлать добра въ память усопшихъ вмѣсто пышныхъ балдахиновъ, этихъ тысячныхъ памятниковъ, этихъ роскошныхъ вѣнковъ! Вѣдь, стоило бы только кому-либо начать: смотришь мало-по-малу вошло бы въ обычай, святой обычай, и дѣла благотворенія, во имя любви къ почившимъ, въ духѣ матери—Церкви и подъ ея благодатнымъ руководствомъ, разцвѣли бы благоуханными розами по лицу родной земли. Можетъ быть, поменьше было бы роскошныхъ памятниковъ на кладбищахъ нашихъ обитателей и сто-

личныхъ; можетъ быть, не такъ эти памятники были бы роскошны, но на Руси-то стало бы теплѣе, русской душѣ было бы отраднѣе. А теперь... выйдешь на кладбище и какъ-то грустно становится, когда эти каменные глыбы, эти мраморныя и металлическія часовни ничего не говорятъ моему сердцу, кромѣ того, что тутъ лежитъ купецъ такой-то, генералъ такой то, тайный или дѣйствительный статскій совѣтникъ такой-то... Былъ человекъ, и не стало его, а кто онъ былъ, много ли добра на землѣ сдѣлалъ—Богъ его знаетъ! И не движется черствое сердце на молитву за сего покойника, и равнодушно проходишь мимо такой могилы. А вотъ могила извѣстнаго благотворителя, вотъ могила героя, душу свою положившаго за вѣру, Царя и Отечество: и невольно поднимается рука для крестнаго знаменія, невольно вырывается изъ души молитвенный вздохъ: „упокой. Господи, душу его“!.. Какъ хотите, а есть тайное общеніе душъ, для насъ самихъ непонятное, но тѣмъ не менѣе реально ощущимое, когда эти души встрѣчаются одна съ другой. Какъ встрѣчаются? Да вотъ вы пришли на могилку, вы прочитали надпись, которая сказала вамъ, что тутъ лежитъ не простой Петръ или Иванъ, коихъ миллионы, а—человекъ, оставившій по себѣ добрую память сдѣланнымъ имъ добромъ, человекъ, исполнившій свой хрістіанскій долгъ до конца, а значитъ—живой членъ живого тѣла Церкви Хрістовой, коей мы всѣ есмы члены, и вотъ душа ваша уже почувствовала свое сродство съ почившимъ, въ ней уже шевельнулось чувство живой любви къ нему,—вѣдь, онъ членъ того же таинственнаго тѣла, какъ и вы—и если васъ потянуло къ почившему, какъ къ род-

ному члену одинаго тѣла—Церкви Христовой, то почему же не предположить, что и его душа почувствовала взаимное къ вамъ влеченіе? Вотъ то, что я назвалъ „встрѣчею душъ“ А посредникомъ сего таинственнаго влеченія является то животворящее добро, которое мы дѣлаемъ во имя и силою Христа, нашего Спасителя, изрекшаго: *безъ Мене не можете творити ничесоже.*

А если самъ почившій не успѣлъ сдѣлать этого добра, хоть сколько-нибудь, то—какъ безконечно милосердіе нашего владыки Христа!—благодать Божія пріемлетъ и отъ насъ всякое истинное добродѣланіе

отъ имени почившихъ нашихъ братьевъ, какъ бы отъ нихъ самихъ. Какъ же не спѣшить православнымъ творить добро въ память присныхъ своихъ, отшедшихъ въ иной міръ! Ахъ, если бы люди знали, если бы только знали всю благодатную силу такого добра! Вѣдь, оно рѣкою лилось бы взамѣнъ всѣхъ этихъ знаменъ суеты земной, въ родѣ вѣнковъ, отъ коихъ нѣкоторые благоразумные? заживо отказываются: „просятъ вѣнковъ не возлагать, согласно волѣ почившаго“ Почему бы не прибавлять къ сему: „а вмѣсто вѣнковъ сдѣлать что-либо доброе въ память покойнаго“?..

5.

Кошунственные похороны лицедѣйки.

Прошлый разъ я говорилъ о томъ, какъ поминаютъ у насъ покойниковъ, нынѣ приходится говорить о томъ, какое впечатлѣніе произвели на меня похороны одной изъ тѣхъ, коихъ въ газетахъ почему-то величаютъ иногда „дивами“. Охотно сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ: не знаю, что это за слово.

Хоронятъ актрису, по-русски—лицедѣйку, Комиссаржевскую, и десятки тысячъ народа сопровождаютъ ея гробъ... Нѣтъ, не сопровождаютъ: это только такъ кажется,—дѣло простое: газеты, іудейскія газеты прокричали, что это была великая служительница Мельпомены, сирѣчь театральнаго искусства, и вотъ праздною толпѣ захотѣлось посмотреть, какъ ее будутъ хоронить, кто пойдетъ за ея гробомъ, какія рѣчи будутъ говорить надъ ея могилой. За гробомъ, въ честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высшихъ учебныхъ заведеній; вѣдь, они луч-

шіе цѣнители всякаго лицедѣйнаго искусства, а поелику сія актриса дерзала изображать въ театрѣ даже—страшно сказать!—Честнѣйшую Херувимовъ, прикровенно выводимую іудеями-авторами театральнаго пьеса, то вотъ надо же оказать честь той, которая не убоилась выступать въ такой „роли“ Это была жрица того идола, который именуется театромъ; ее „обожала“ наша безпутная молодежь: и вотъ, за ея гробомъ идутъ, идутъ, идутъ безконечной вереницей юноши и дѣвы, несутъ вѣнки, (ихъ привезено цѣлыхъ 8 возовъ!)—прискорбно отмѣтить, что былъ вѣнокъ и отъ студентовъ здѣшней духовной академіи—и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угодницѣ театра, не постыдились своего званія! А на вѣнкахъ красовались надписи, отъ которыхъ ужасъ сжималъ вѣрующее сердце... Судите сами: „Радуйся, небо, принявшее

твою душу!“—„Радуйся, чрево, носившее тебя!“—„Благословенна ты въ женахъ!“... Правда, эти ленты сорваны въ стѣнахъ лавры, но спрашивается: кто же это такъ злобно издѣвается надъ святѣйшими истинами нашей святой вѣры? Кто смѣлъ сочинить такія надписи?—Если бы вы, мой читатель, посмотрѣли поближе на эти толпы молодежи, сопровождавшей гробъ до храма и бродившей потомъ съ папиросами въ зубахъ по лаврѣ, то вы сразу поняли бы, съ кѣмъ мы имѣемъ тутъ дѣло... Сколько тутъ было горбоносыхъ, смуглыхъ, съ черными злыми глазами типовъ! О, конечно, все это—не русскіе, это все—изъ „гонимаго“ племени, а за ними ужъ шли, какъ ихъ послушные плѣнные рабы, несчастные русскіе, и въ числѣ ихъ—опять повторяю съ горечью—студенты духовной академіи!.. Видно, угаръ недавняго прошлаго еще не прошелъ; и это не только здѣсь, въ Петербургѣ, но и по лицу всей Русской земли. Въ Саратовѣ требовали, чтобъ панихида служилась непременно въ соборѣ, въ тотъ часъ, когда должна была совершаться литургія. Архіерей предложилъ служить въ приходской церкви: не пошли, разослали повсюду телеграммы съ клеветой на святителя Божія, будто онъ не дозволилъ служить панихиды, и на тройкахъ отправились въ село, гдѣ и заказали панихиду. Въ другомъ мѣстѣ эти усердные „панихидники“ пригласили служить... лютеранскаго пастора, забывъ, что у лютеранъ, собственно говоря, и молитва-то за усопшихъ вовсе не признается, считается чуть ли не грѣхомъ!... А въ Москвѣ требовали отъ духовенства служить панихиду непременно на подмосткахъ театра, тамъ, гдѣ лицедействуютъ всякіе кощунники нашего бездутнаго вре-

мени, а когда духовенство сочло это неприличнымъ и предлагало пойти въ Божій храмъ, то отказались и сами сочинили „гражданскую“ панихиду съ кощунственнымъ пѣніемъ „вѣчной памяти“ и „со святыми упокой“. Гдѣ тутъ здравый смыслъ? Гдѣ хрістіанство? и причемъ тутъ оно—хрістіанство? Вѣдь, въ сущности, весь этотъ шумъ вокругъ гроба несчастной лицедейки никакого отношенія къ молитвѣ не имѣетъ, все это—сплошное издѣвательство надъ Церковію, желаніе обратить церковный обрядъ въ прославленіе лицедейства, и я не знаю: не слѣдовало ли вовсе отказать этимъ господамъ „демонстрантамъ“ во всякой торжественности погребенія, чтобъ не допускать поруганія церковныхъ обрядовъ тѣми, которые позволяютъ себѣ явно выражать свое презрѣніе къ Церкви, кощунственно примѣнять святыя слова, приложимыя только къ Святѣйшей Херувимовъ,—къ одной изъ такихъ же грѣшницъ, какъ и всѣ мы, съ тою лишь разницей, что мы никогда не рѣшимся уподобляться тому лицедею, котораго такъ поразительно вразумила Сама Матерь Божія за его кощунственныя выходки противъ Нея, Преподобной. (Читайте „Дугъ Духовный“). Если она была вѣрующая и притомъ православная хрістіанка, то любовь хрістіанская заповѣдуетъ помолиться о ея душѣ: вѣдь, она не покончила съ собой, какъ кончаютъ нынѣ нѣкоторые интеллигенты, она умерла отъ страшной болѣзни, но все же естественною смертью. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, былъ ли приглашенъ къ ея смертному одру священникъ для напутствованія: если бы такъ, то больше дерзновенія имѣла бы молитва вѣрующихъ за несчастную душу все же вѣрующей хрістіанки... Но и теперь Церковь не отказы-

ваетъ въ молитвѣ за нее, но... развѣ эти пышныя похороны, эти вѣнки съ кощунственными надписями, эти провожатые — некрещенные іудеи, эти молодые люди, хотя бы и изъ русскихъ, съ смѣхомъ и папиросами гуляющіе по лаврѣ... развѣ это молитва? А нежеланіе служить панихиду въ приходской церкви, а желаніе служить панихиду непременно въ театрѣ—ужели можно назвать это молитвой? Да это просто издѣвательство надъ Церковью—худшее того, какое Господь нашелъ въ храмѣ Іерусалимскомъ и заслуживающее такого же, если не болѣе строгаго, осужденія, какъ и то... Я уже не говорю о томъ, какъ мучительно тяжелы такія кощунственныя почести для души почившей, которая ищетъ себѣ помощи, ко ангеломъ очи возводящи, къ человѣкомъ рупѣ простирающи...

Церковь наша смиренна, яко Христова невеста; ее поносятъ, оскорбляютъ, надъ нею издѣваются ея враги и въ газетахъ, и въ театрахъ, и теперь—все чаще и чаще вторгаются въ ея заветное святое святыхъ—Богослуженіе, пытаясь обращать ея обряды въ кощунственныя

демонстраціи, стремясь выставить ее какъ бы участницей въ прославленіи того, что въ очахъ міра лукаваго и прелюбодѣйнаго высоко и досточтимо, но что въ ея очахъ—достойно презрѣнія... И все терпитъ Христова невеста: она ждетъ, не вразумятся ли эти безумцы, не придутъ ли въ чувство раскаянія... Но доколѣ же это будетъ? Не наступитъ ли скоро часъ, когда всѣмъ такимъ кощунникамъ будутъ закрыты двери храма Божія, и надъ главою ихъ блеснетъ тотъ страшный мечъ, который данъ Церкви Самимъ Христомъ Господомъ и который грозитъ всѣмъ богоотступникамъ — *анаеме*!... Нельзя же допускать, чтобъ іудеи и ихъ прислужники, измѣнники Церкви и вѣрѣ Христовой, издѣвались надъ самою молитвой, требуя отъ насъ, служителей Церкви, какъ бы прославленія своихъ покойниковъ, въ безсмертіе души коихъ, конечно же, они сами не вѣрятъ... Мы хотѣли бы вѣрить, что больше не повторятся такія сцены, какія въ свое время мы видѣли надъ трупами Трубецкаго въ Москвѣ или Пергамента въ Петербургѣ...

6—7.

Малолѣтніе преступники и монастыри.

Обращено, наконецъ, должное вниманіе на ужасное зло нашего времени: увеличеніе числа преступниковъ - подростковъ. Къ сожалѣнію, поводомъ къ этому вниманію послужило не увеличеніе дѣтской преступности само по себѣ, а то, что такихъ преступниковъ дѣвать некуда. Въ существующихъ для нихъ пріютахъ съ трудомъ можно помѣстить до 1500, а, между тѣмъ, ежегодный притокъ ихъ достигаетъ до

7,000. Болѣе 7000 помѣщаются въ общихъ тюрьмахъ, съ взрослыми преступниками, гдѣ, конечно, они „обрабатываются“ уже въ самыхъ закаленныхъ злодѣевъ. Какъ ни печально это явленіе, на которое давно слѣдовало обратить вниманіе и власти, и общества, но еще печальнѣе то, что мало обращается вниманіе на коренныя причины этого зла. Вѣдь, если хотите несчастной Россіи добра, то не оста-